(cc) BY

Кранк Эдуард Освальдович
канд. филос. наук, доцент
БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»
Министерства культуры, по делам национальностей
и архивного дела Чувашской Республики
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА ПОЛИТИЧЕСКОГО БЕЗДЕЙСТВИЯ: ОБ ОДНОЙ ЛАКУНЕ В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Аннотация*: статья посвящена проблеме конфессионального выбора, стоящей перед первыми князьями Киевской Руси. Цель статьи состоит в утверждении, что выбор в пользу христианства рассматривается как фактор религиозной и моральной идентификации древнерусского этноса. Актуальность работы продиктована необходимостью выработки национальной идеи России. В качестве примера приводится идеологический (религиозный, политический, моральный) кризис, который переживала Киевская Русь за несколько десятилетий до официального принятия христианства. Материалами исследования являются летописные сведения (878–969 гг.) о первых древнерусских князьях, а также житийные сказания о блаженной Ольге. В качестве рабочей гипотезы выдвигается характеристика князя Игоря Рюриковича как человека книжного по преимуществу. В работе используются дескриптивный, герменевтический, диахронический, историко-генетический, компаративистский, аналитический и биографический методы. Результаты исследования и их обсуждение соотносится с положением о том, что событийный ряд, связанный с местью Ольги за смерть Игоря и ее дальнейшими действиями по обустройству древнерусских земель («погосты» и институт тиунства), с одной стороны, и принятием христианства – с другой, рассматривается как следствие духовного опыта ее мужа. Мы приходим к выводу об интеллектуальном усилии, переживаемом киевским князем в течение ряда лет, сопровождавшемся длительной политиче-*

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

ской пассивностью монарха и оправданном фактом крещения его вдовы. Новаторство нашей работы состоит в том, что оправдательным механизмом для политической недальновидности Игоря и жестокости Ольги в отношении целого племени, вплоть до физического уничтожения последнего, – лежит идея о морально-психологическом воздаянии, воплотившемся в факте принятия православия представительницей монаршей семьи, возглавлявшей языческий этнос. Речь идет о трансформации идеи воздаяния: от его языческого понимания (кровная месть, осуществляемая в реальном пространстве-времени) до понимания христианского, в котором воздаяние мыслится как прерогатива не человека, но Божества и происходит за пределами биографии.

Ключевые слова*: отечественная история, Киевская Русь, князь Игорь Рюрикович, Блаженная Ольга, кровная месть, конфессиональный выбор, православие, воздаяние.*

Общеизвестен летописный рассказ о призвании новгородцами варягов на княжение. В результате в Новгороде стал княжить Рюрик, а спустя годы в Киеве – его сын Игорь. Пушкин, еще учась в Лицее, намеревался писать поэму «Игорь и Ольга» [9, с. 100]. Сюжет того стоил: в нем много загадок. Одна из них та, что Игорь до самой смерти Вещего Олега, приходившегося ему дядей и осуществлявшего регентские обязанности в адрес несовершеннолетнего князя вплоть до укуса легендарной змеи, выползшей из конского черепа, – Игорь, имея на великий киевский княжеский стол все права, вступает в них лишь в возрасте 34 лет. Мы не знаем другого примера в истории, когда легитимный монарх, достигший совершеннолетия, так долго пренебрегал бы своими монаршими привилегиями. Через два года после смерти Олега, еще как бы по инерции, Игорь, будучи уже полноправным князем, победоносно воюет с племенем древлян, принуждая последних стать его данниками.

Далее о воинских подвигах великого князя летопись умалчивает. Следующие походы Игоря датируются началом сороковых годов (спустя четверть века

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

после завоевания древлян). В походе на Царьград в 941 году Игорь терпит неудачу, а в попытке реванша 943 года ограничивается мирным договором с Византией [13, с. 225–234; 7; 8], хотя обладает силами, достаточными для захвата города. В роковом для него 945 году он идет на древлян за данью, сначала за первой, а потом – практически тут же – и за второй, о чем известно каждому школьнику. Древляне ответили на это убийством Игоря и попытками женить своего князя Мала на Игоревой вдове. Затем следуют четыре страшные мести Ольги за смерть своего мужа, которая не успокоилась, пока древлянский город Искоростень не был стерт с лица земли. В завершение всего этого, после того как она воспитала Святослава Игоревича, доблестного и удачливого военачальника, Ольга отправляется в Константинополь. При этом она, несмотря на свой возраст, становится предметом любовных чувств царя Константина Багрянородного, хитростью избежав его домогательств на предмет женитьбы на ней [4, с. 38–53; 11, с. 260–266; 12, с. 29–30].

В отношении возраста Ольги историки серьезным образом расходятся. Время ее рождения датируется весьма пространным промежутком в 32 года: от 893 до 925 [см., напр.: 6, с. 41; 5; 2, с. 153–158]. Каждая из версий имеет свою аргументацию. Рождению Ольги в 893 году противоречит факт появления на свет сына Святослава (здесь тоже некоторая неопределенность: от 938 до 943 гг.), т.е. в момент рождения Ольге было примерно пятьдесят лет или даже больше. Если Сарра родила в девяносто, то почему Ольге не родить в пятьдесят?

Упомянутая матримониальная часть сюжета о крещении Ольги заимствована, по всей вероятности, из другого источника (один из примеров так называемых *кочующих сюжетов*, в данном случае – христианских). Так или иначе, Ольга обращается в православную веру, становясь первой христианкой княжеского рода в дохристианской Руси. Всё это довольно широко известно; по этому поводу написано много литературных произведений и сняты фильмы, и нет никакого смысла умножать эти мифолого-исторические фантазии.

Материалами исследования являются летописные сведения (878–969 гг.) о первых древнерусских князьях, а также житийные сказания о блаженной Ольге

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

[12, с. 15–33; 11, с. 248–287; 3]. В работе используются дескриптивный, герменевтический, диахронический, историко-генетический, компаративистский, аналитический и биографический методы.

Нас занимают, собственно, четыре вопроса:

1. Почему Игорь стал княжить только после Олеговой смерти, а не вступил в чин по достижении совершеннолетия?

2. Чем занимался Игорь, княжа в Киеве, в течение четверти века, не предпринимая в этот период (с 914 по 941 гг.) никаких действий, достойных упоминания в хрониках?

3. Зачем было Игрою возвращаться к древлянам за второй данью, когда он уже взял одну?

4. Какими свойствами обладал муж Ольги, чтобы его смерть вызвала столь неуемную и кровожадную месть по отношению к целому этносу?

Мы полагаем, что воинственность нашего князя была *воинственностью поневоле*. Поход на древлян 914 года был продиктован тем, что надобно же как-то обеспечивать княжеский двор и, главное, дружину. То же относится к византийским походам Игоря. По договору с Константинополем 944 года никаких особых привилегий киевляне не получали, скорее, напротив: упоминалась необходимость выступления россов на стороне Византии в случае военных действий, а также то, что русичи брали на себя обязательство военной охраны Корсунского царства, являвшегося византийской колонией в Крыму. Особой ролью в т.н. «Кембриджском документе» [7; 8; 14, с. 68–80], где упоминается мирный договор с Византией, наделялся Хазарский каганат, третья сторона хазарско-русско-византийской войны 941–944 гг. [см. также: 12, с. 23–26]. Впечатление, что именно хазары получили максимальную выгоду из этого мира. Имеет смысл отметить, что выкуп пленных русичей у греков при Игоре стал вдвое дешевле, чем это отражено в предыдущих договорах с Византией, заключенных князем Олегом. Тем самым возвращение русских людей, оказавшихся на чужбине в результате неудачных военных действий 941–944 гг. или иных обстоятельств, стало до-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

ступнее и проще. В этом отношении мирный договор был своего рода искуплением Игоревой вины перед вотчиной за четвертьвековое бездействие и неудачи в военном деле последнего времени его княжения.

Интересен тот факт, что с русской стороны договор подписан неким *Hlgw*, имя которого историками и филологами согласно транскрибируется как «Олег», хотя к этому моменту легендарный военачальник вот уже тридцать с лишним лет, как покоится в кургане. (Впрочем, есть другие версии его смерти, не легендарные, в которых смерть Олега помечена 941 годом [14, с. 68–80].) Или у Игоря в войске был воевода с именем «Олег»? Полагаем, князь Игорь намеренно подписал договор именем своего дяди, память о воинских доблестях которого в пространстве византийцев, печенегов, венгров и хазар была еще жива, делая его существом гораздо более влиятельным, чем его племянник.

Теперь о пресловутой «второй дани». По словам Нестора, инициатором похода на древлян была дружина Игоря: «…рѣкоша дружина Игореви: отроци Свѣнелъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази. Поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы» [4, с. 38, 40]. (Упоминаемый здесь Свенельд – воевода и, вероятно, сородич Игоря, который вел со своей дружиной существование, не зависимое от киевского престола.) Игорь согласился. Пришли к древлянам, взяли с них дань. Но Игорь возвращается за второй. Зачем? Ответ: *чтобы просто больше не ходить за данью и вовсе отказаться от участия в походах*.

Игорю в это время приблизительно 67 лет – возраст, не очень подходящий для полководца. Если к этому присовокупить 27 лет бездействия до хазарско-русско-византийской войны, то кажется вполне вероятным, что Игорь вовсе и не мнил себя выдающимся военачальником.

Достоинства средневекового монарха, как нам повествуют об этом исландские, германские, финские, кельтские, саксонские, да и русские эпические сказания, заключались в его воинской доблести и способности пространственного увеличения вотчины. Потомки Игоря, начиная с первых князей: Святослава, Владимира Святого, Андрея Боголюбского, Всеволода Большое Гнездо, Ярослава Мудрого и далее до московских царей и петербургских императоров, включая

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Екатерину Великую и Александра Благословенного, – ставили своей целью расширение государственного пространства. А Игорь? Предпринятые самостоятельно (т.е. уже без Олега) походы на Царьград и на бедных древлян отмечены не то чтобы неуверенностью, но как бы *тягостной обязанностью*, которую он в силу своего княжеского положения должен был исполнять. Но занимали его не война и не пространственная экспансия. Так что же тогда?

Русь в десятом веке переживала серьезный религиозный кризис, закончившийся, как известно, крещением страны, которое предпринял знаменитый внук Игоря и Ольги Владимир Красно Солнышко. Нестор упоминает о миссионерах различных церквей, приходивших на Русь и пытавшихся обольстить русских князей тем или иным вероучением: знаменитые Кирилл и Мефодий, другие христианские монахи, не только православные, но и католические, мусульмане, иудеи, хазары, посланцы других восточных религий. У самого Игоря, вероятно, славянское язычество пребывало в метафизическом соседстве с язычеством скандинавским: Тор отождествлялся с Перуном, а Велес – с Браги. Необходимость конфессионального выбора представлялась ему и его современникам делом более чем просто актуальным. И Игорь *выбирал*.

Всякая религия основана на книжности; для того чтобы составить о ней представление, необходимо знакомство с сакральными текстами, необходима религиозная метафизика, в чем бы она ни выражалось: в беседах ли с посланцами той или иной церкви, в чтении ли священных книг и их комментаторов, в разговорах ли с близкими людьми. Мы полагаем, что Игорь был князем-книжником, монархом-интеллектуалом, философом на престоле, подобным Марку Аврелию. При обилии вероучений и необходимости предпочесть какое-то одно из них естественно сомневаться. Игорь, на наш взгляд, именно *существо сомневающееся*. Это был преимущественно *человек Духа*: божественные мифы и легенды, вопросы истины и ее соотношения с человеческим существованием занимали Игоря в гораздо большей степени, чем обязанности управителя княжеством.

Несколько слов об Ольге. По одной из версий, она является дочерью *дяди*, Игорева регента Олега, который, в свою очередь, приходился шурином Рюрику,

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

женатому на норвежской княжне Эфанде (собственно, Алфвинд) Урманской, которая, по легендарным источникам, отождествляется с дочерью новгородского посадника Гостомысла, бывшего инициатором призвания варягов [5; 1]. Ольга, таким образом, приходится Игорю кузиной; сегодня их брак назвали бы кровосмесительным. Имя *Олег* (протошведск.: *Hailaga*) в переводе означает «святой», как и *Ольга* (святая). Знаменательно, что княжна наречена святой задолго до того, как была канонизирована и даже обращена в христианство. При крещении в 955 или 957 году ей было дано имя «Елена». Панегирик по ее смерти (969 г.) в «Повести временных лет», поистине, более чем красноречив: «Си бысть предъте-кущия хрестьяньской земли, аки дѣньница пред солнцем и аки заря предъ свѣтом. Си бо сияши аки луна в нощи, тако и си в невѣрныхъ человѣцѣхъ свѣтяшеся аки бисеръ в калѣ» [12, с. 32]. Само имя *Елена* от греч. *helenos* – свет, *светящаяся*.

История знакомства Игоря и Ольги романтично описана в различных версиях ее жития [11, с. 248; 3; 1]. И очень похожа на сказку. Охотившийся в окрестностях Пскова Игорь попросил лодочника перевезти его на другой берег водоема. Перевозчиком оказалась юная девушка, *девочка почти*, которая приглянулась Игорю. В ответ на его попытки склонить ее к соитию, дева прочитала молодому князю проповедь о недостойности вожделения, пригрозив броситься в воду. Так Игорь был вразумлен юной Ольгой, а когда пришла ему пора жениться, он вспомнил о случайной встрече и послал сватов. Незадолго до похода Игоря на древлян у супругов родился сын Святослав. Пока Святослав был мал, вдовая Ольга управляла княжеством. Она собирала оброки и дани, установила «погосты» (от слова *гостить*; напомним, что *гостями* называли купцов; в этом значении слово *погост*, вероятно, следует переводить как пошлину, взимаемую с торговли, а также, возможно, как место торговли), ввела *тиунство* (в современном значении – что-то вроде наместного топ-менеджера по сбору дани и управлению волостью), – короче говоря, установила *вертикаль власти*, в результате чего княжество окрепло. «Кто не удивится сея блаженныя Олги премудрости и мужеству и целомудрию? Аще и не крещена бѣ и земнаго царствия власть управляя, по

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

лишении же мужа не изволи посягнути ко другому мужу; уподобися горлицы единомужней», – пишет автор Жития [11, с. 258]. Говоря об Ольге как о святой невозможно не сослаться на посвященную этому статью Н.А. Малковой, где святая Ольга представлена как агиологический тип [10, с. 25–31].

Таким образом, Игорь был князем-книжником, монархом-интеллектуалом, философом на престоле. Это был преимущественно человек Духа, чье существование проникнуто своего рода интеллектуальным усилием, переживаемым киевским князем в течение ряда лет, сопровождавшимся длительной политической пассивностью монарха и оправданным фактом крещения его вдовы. Событийный ряд, связанный с местью Ольги за смерть Игоря и ее дальнейшими действиями по обустройству древнерусских земель («погосты» и институт тиунства), с одной стороны, и принятием христианства – с другой, рассматривается как следствие духовного опыта ее мужа. Кровная месть, первоначально руководившая Ольгой в ее воинственности по отношению к древлянам и понимаемая как воздаяние языческое («око за око, зуб за зуб»), уступает место воздаянию морально-психологическому, воплотившемуся в факте принятия православия представительницей монаршей семьи, возглавлявшей языческий этнос. Речь идет, следовательно, о трансформации идеи воздаяния: от его языческого понимания (кровная месть, осуществляемая в реальном пространстве-времени) до понимания христианского, в котором воздаяние мыслится как прерогатива не человека, но Божества и происходит за пределами биографии.

Список литературы

1. Александров А.А. Ольгинская топонимика, выбутские сопки и руссы в Псковской земле / А.А. Александров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pskovcity.ru/his_aleksandrov1.htm (дата обращения: 10.03.2022).

2. Гиляров Ф.А. Предания русской начальной летописи / [Соч.] Ф. Гилярова. – М.: Современные известия, 1878. – [6], 325 с.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

3. Жития святых по изложению свт. Димитрия Ростовского/Июль/11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/Жития_святых_по_изложению_свт._Димитрия_Ростовского/Июль/11#302 (дата обращения: 10.03.2022).

4. Изборник: сборник произведений литературы Древней Руси. – М.: Художественная литература, 1969. – 800 с.

5. Карамзин Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.litmir.me/br/?b=123509&p=7 (дата обращения: 10.03.2022).

6. Карпов А.Ю. Княгиня Ольга / А.Ю. Карпов. – М.: Молодая гвардия, 2009. – 374 с.

7. Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке / П.К. Коковцов; Акад. наук СССР. – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1932. – XXXVIII, 134 с., 4 л. факс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://drevlit.ru/docs/russia/X/Kokovcov/text2.php (дата обращения: 10.03.2022).

8. Коковцов П.К. Отрывок из письма неизвестного хазарского еврея X века / П.К. Коковцов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gumilevica.kulichki.net/Rest/rest0505.htm#rest0505text36 (дата обращения: 10.03.2022).

9. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина, 1799–1826 / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); сост. М.А. Цявловский; [предисл. Т. Г. Цявловской]. – 2-е изд., испр. и доп. – Л.: Наука, 1991. – 784 с.

10. Малкова Н.А. Святая княгиня Ольга как агиологический тип / Н.А. Малкова // Религиоведение. – 2011. – №1. – С. 25–31 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://relig-articles.livejournal.com/31774.html (дата обращения: 10.03.2022).

11. Памятники литературы Древней Руси. Выпуск 7: Середина XVI века. – М.: Художественная литература, 1985. – 624 с.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

12. Повесть временных лет. Изд-ие 2, исправленное и дополненное / подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. – СПб.: Наука, 1999. – 669 с.

13. Фейгина С.А. Историография еврейско-хазарской переписки X в. / С.А. Фейгина // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: сборник статей, посвященный Льву Владимировичу Черепнину / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР; [редкол.: В.Т. Пашуто (отв. ред.) и др.]. – М.: Наука, 1972. – С. 225–234.

14. Цукерман К. Русь, Византия и Хазария в середине X века: проблемы хронологии / К. Цукерман // Славяне и их соседи. – Вып. 6. – 1996. – С. 68–80.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)